Рецензируемая книга, название которой лучше всего перевести на русский язык как “Сложноподчиненное предложение”, является результатом многолетних исследований итальянского лингвиста С. Кристофаро (университет г. Павиа). В своем первоначальном варианте данное сочинение было диссертацией, защищенной в 1998 г. Оно представляет собой типологическое исследование сложноподчиненного предложения на обширной выборке из 80 языков.

Рассмотрение сложноподчиненного предложения как единого объекта является действительно новаторским. Традиционно обстоятельственные предложения (adverbial clauses), относительные предложения (relative clauses) и конструкции с сентенциальными актантами (complement clauses) не рассматриваются как части одного целого, функционирующего по единым принципам. Если они и оказываются объединенными, то лишь формально в рамках раздела “Сложноподчиненное предложение” описательных грамматик, но никак не в теоретических трудах: ср. написанные разными авторами и никак не связанные между собой разделы в [Shopen 1985] или просто отдельные сочинения по обстоятельству предложениям [Haspelmath 1995] и [Kortmann 1997], относительным предложениям [Lehmann 1984], конструкциям с сентенциальными актантами [Givón 1980; Kortjevskaja-Tamm 1993; Ransom 1986] и т.п.

Таким образом, данное исследование по праву можно назвать первой попыткой построения исчерпывающего описания и анализа сложноподчиненного предложения. Сразу же стоит сделать оговорку по поводу возможной путаницы терминов: дело в том, что в англоязычной лингвистической традиции нет термина, эквивалентного русскому “сложноподчиненное предложение”. Похожее на первый

взгляд subordinate clause, в действительности, относится не ко всему предложению, а лишь к зависимой клаузе: “сложноподчиненное предложение” состоит из main clause и subordinate clause. Вдобавок, “сложноподчиненными” называются в русской лингвистической традиции только такие предложения, зависимая клауза которых является финитной. Так, предложения (1а) и (2а) считаются “сложноподчиненным”, а предложения (1б) и (2б) – нет. Однако во всех этих предложениях имеются subordinate clauses.

- (1а) *Вася напомнил всем о девочке, [которая ушла]*_{финитная клауза}
(1б) *Вася напомнил всем об [ушедшей]*_{причастная клауза} *девочке.*
(2а) *[Когда Вася гулял в саду]*_{финитная клауза} *он увидел Машу.*
(2б) *[Гуляя в саду]*_{деепричастная клауза} *Вася увидел Машу.*

Книга состоит из 11 глав и внушительного приложения, по-настоящему бесценного для лингвистов, интересующихся сложноподчиненным предложением, но полезного и для типологов любого профиля. Главы 1–4 являются, по сути, вступительными: они посвящены теоретическим предпосылкам работы, понятие “subordination”, параметрам для типологического исследования сложноподчиненного предложения, методологии составления выборки и построения имплицативных иерархий. В главах 5–8 рассматриваются основные виды сложноподчиненных предложений. Эти главы являются эмпирической базой для того функционально-когнитивного портрета “subordination”, который будет предложен в главах 9–10. Глава 11 подводит итоги и намечает теоретические следствия, которые может иметь данная работа для функциональной лингвис-

тики в целом. Представим кратко основное содержание каждой главы.

В главе 1 определяется предмет исследования, цель и методы. Читатель узнает о том, что основным эмпирическим результатом работы окажется набор имплицативных иерархий, связывающих различные параметры сложноподчиненного предложения. Особое внимание уделяется функционально-типологическому подходу (в рамках которого проводится исследование), в частности, изложению его объяснительной базы. Этот подход содержательно противопоставляется формальному, однако автор не упоминает никаких конкретных направлений формальной лингвистики, спора, в некотором смысле, с невидимыми врагами. Нельзя также не заметить, что, представляя функционально-типологический подход, С. Кристофаро опирается почти исключительно на те основополагающие труды в данной области, которые были изданы в 80-х – начале 90-х годов. Конечно, именно в тот период данное направление сформировалось как нечто более или менее цельное, но отсутствие ссылок на более современные работы выглядит несколько странным. Хочется верить, что это связано с тем, что диссертация автора была написана в 1998 г., т.е. за 5 лет до выхода в свет рецензируемой книги, а не с тем, что данное направление не дало за последние 10 лет практически ни одного заметного труда. Как кажется, последнее все же не соответствует действительности, хотя у человека, не очень хорошо знакомого с функциональной лингвистикой, при чтении данного раздела подобное ощущение, к сожалению, может возникнуть.

Уже в первой главе становится понятно, что для С. Кристофаро функциональный подход не просто один из многих, не просто тот, который она выбрала для решения данной задачи, а, так сказать, единственно правильный. Более того, в дальнейшем у читателя, который придерживается несколько иной точки зрения (или, возможно, даже той же самой, но не столь радикальной), не раз возникнет ощущение, что немалая часть исследования посвящена единственной цели – доказать, что функциональный подход следует предпочесть всем остальным. Некоторая комичность ситуации заключается в том, что обычно такого рода упреки слышны как раз от “функционалистов” в адрес “формалистов”: именно у последних имеется изначально сформулированная теоретическая система, которая проверяется на материале конкретного явления, возможно, модифицируясь и затем вновь утверждаясь в своей неизблемости. “Функционалисты” же, не имея единой теоретической системы, т.е. объединенные скорее лишь некоторыми об-

щими исходными допущениями, обычно не занимают в своих конкретных работах пропагандой этих допущений, будучи сконцентрированы собственно на предмете исследования.

На практике же, к сожалению, такая уверенность в преимуществах выбранного подхода нередко оборачивается у автора, во-первых, немотивированным отказом от тех вариантов анализа, которые не приводят к ожидаемой победе функционального объяснения над всеми прочими, а во-вторых, исключением из объекта исследования тех явлений, анализ которых мог бы привести к другим выводам (например, нерестриктивных относительных предложений или синтетических каузативных конструкций). Все это оказывается тем более заметным, что в большинстве других случаев С. Кристофаро крайне осторожно относится к возможным альтернативным вариантам анализа и определения предмета исследования (этой проблеме посвящена полностью глава 2), аккуратно и убедительно объясняя в каждом конкретном случае, почему они оказываются неприемлемыми.

Глава 2 посвящена понятию “subordination”. Сначала автор излагает тот подход, который господствует в современной лингвистике, а затем предлагает свой, существенно отличный от представленного. Проблема всех определенных “subordination” состоит, на взгляд С. Кристофаро, в том, что они оперируют морфосинтаксическими критериями. Таковыми являются, во-первых, зависимость одной клаузы от другой (dependency), т.е. невозможность зависимости предикации быть употребленной без главной, во-вторых, вставление одной клаузы в другую (clausal embedding), проявляющееся в ограничениях на линейный порядок, на вынос клаузы (clause extraposition) и на способы установления референции. Автор вполне убедительно показывает, насколько несовершенен каждый из этих критериев, особенно при желании использовать их для типологического исследования, т.е. для сравнения явления “subordination” в разных языках. Таким образом, становится очевидной необходимость выработать другие критерии определения сложноподчиненного предложения, принципиально не опирающиеся на морфосинтаксические параметры. Таковыми оказываются концептуально-когнитивные критерии, в частности те, о которых говорится в работах [Langacker 1987; 1991; Lambrecht 1994]: противопоставление между профилем (profile) и базой (base), между ассерцией и не-ассерцией. В этом случае определение понятия “subordination” звучит следующим образом: “Под сложноподчиненным предложением будет пониматься такая ситуация, когда между связанными

положениями дел (ПД) установлена когнитивная асимметрия – такая, что профиль одной из ситуаций (т.е. главного ПД) перекрывает профиль другой (т.е. зависимого ПД). Это эквивалентно утверждению о том, что зависимое ПД является (прагматически) не-ассертивным, в то время как главное ПД – (прагматически) ассертивным” (с. 33). Очевидно, что определенное таким образом явление существует во всех языках (в отличие, например, от clause embedding).

Это несколько громоздкое определение, в действительности, крайне просто применять на практике. Для (не)отношения некоторого предложения к сложноподчиненным оно проверяется различными тестами на ассертивность, например, тестом на отрицание. Если при отрицании всего предложения (‘неверно, что S’) отрицаются оба ПД, то предложение не признается сложноподчиненным; однако если отрицается только одно из ПД, то все предложение признается сложноподчиненным, а это ПД – главным (второе ПД, соответственно, зависимым). Ср. русские предложения (3) и (4): при отрицании каждого из них [(5) и (6), соответственно] части этих предложений отрицаются по-разному. Из предложения (5) следует (7а), но не (7б): про ситуацию (7б) нам неизвестно, имела она место или нет (именно поэтому автор предлагает говорить о противопоставлении “ассерция vs. не-ассерция”, а не “ассерция vs. презумпция”). Однако из предложения (6) следует и (7а), и (7б). Таким образом, (3) является сложноподчиненным предложением, а (4) – нет.

(3) *Когда включилась сирена, грабитель убежал.*

(4) *Включилась сирена, и грабитель убежал.*

(5) *Неверно, что (когда включилась сирена, грабитель убежал).*

(6) *Неверно, что (включилась сирена, и грабитель убежал).*

(7а) *Грабитель не убежал.*

(7б) *Сирена не включилась.*

Возможно, эта операция оказывается слишком “надуманной” для определения различий между русскими предложениями (3) и (4), однако С. Кристофаро приводит немало убедительных примеров из разных языков, для которых подобные тесты дают результаты, не совпадающие с теми, что ожидаются на основе морфосинтаксической структуры. Единственным неизбежным недостатком предложенного метода оказывается слишком

большая опора на английский язык и, возможно, временами преувеличенное доверие к автору грамматического описания. Действительно, при работе с другими языками информация для данного исследования берется, в большинстве случаев, из грамматических описаний, следовательно, применение непосредственных тестов оказывается невозможным. В таком случае, автор предлагает исходить из английского перевода данного предложения (подавляющее большинство грамматических описаний, используемых при типологическом исследовании, написано на английском) и именно к нему применять тесты на ассертивность. Разумеется, при таком подходе необходимо быть уверенным в том, что автор грамматического описания старался максимально отразить в переводах примеров значение соответствующего предложения.

Подытоживая все сказанное, нельзя не обратить внимание на то, что подобное чисто функциональное определение предмета исследования является действительно уникальным и открывает перед автором необозримые возможности. Таких масштабных исследований, последовательно проведенных в рамках установки “от функции к форме”, существует в современной лингвистике не так уж много, а в области сложного предложения их не существует вовсе. К сожалению, приходится отметить, что дальнейшее чтение рецензируемой книги несколько разочаровывает отступлениями от этого величественного плана. Так, например, в главе 4 (“Конструкции с сентенциальными актантами”) мы узнаем, что С. Кристофаро исключает (никак это не мотивируя) из объекта исследования такие случаи, когда сложноподчиненное предложение выражено средствами одной предикации, т.е. предложением с одним глаголом и соответствующими аффиксами при нем (модальными, фазовыми, желательными, каузативными и т.д.). Тем не менее очевидно (и автор этого не отрицает!), что подобные предложения проходят тест на ассертивность как сложноподчиненные.

В главе 3 обсуждается набор параметров, который будет использоваться для описания и классификации способов, имеющихся в распоряжении языков мира, для кодирования зависимых ПД. Хотя это не утверждается эксплицитно, параметры задаются на уровне клаузы, т.е. предполагается, что ПД всегда выражается именно клаузой. Этому ограничению, однако, не дается никакого объяснения, и лишь из дальнейшего изложения читатель понимает, что предложения типа *Петя радуется весне / приходу весны* не рассматриваются, хотя они и удовлетворяют определению, приведенному выше.

Параметры клаузы, оформляющей зависимое ПД, делятся на относящиеся к предикату и относящиеся к его участникам. Для первых предлагается воспользоваться не традиционным разграничением на финитные vs. нефинитные формы, а предложенным в [Stassen 1985] делением форм зависимого ПД на равновесные (balancing) и пониженные (deranked). В качестве точки отсчета здесь и далее используется независимое декларативное предложение (оставим пока в стороне возникающие у читателя вопросы о том, как именно в различных языках отличать декларативные предложения от недекларативных, например, оптативных). Следовательно, “равновесная” стратегия оформления зависимого ПД имеет место, если его глагол выглядит так, как может выглядеть глагол независимого декларативного предложения. Если же глагол зависимого ПД имеет форму, невозможную в таком предложении, то имеет место стратегия “понижения”. Так, например, в (1а)–(2а) наблюдается равновесная стратегия, а в (1б)–(2б) – стратегия понижения. Последняя может возникнуть как за счет невыражения тех или иных грамматических категорий [например, наклонения в (1б), наклонения, лица и числа в (2б)], так и за счет использования специальных глагольных форм (ср., например, романский субъонктив или германский конъюнктив). Далее поочередно рассматриваются оба случая для всех трех грамматических категорий, которые могут вовлекаться в это противопоставление: время, аспект, наклонение, личное согласование, падеж или предлоги / послелоги.

К параметрам, связанным с оформлением участников зависимого ПД, относится модель ролевого кодирования (alignment pattern – например, аккузативная, эргативная и т.д.), опущение (= невыражение) аргументов и кодирование аргументов как посессоров / сирконстантов. Как и в предыдущем случае, значение каждого из этих трех параметров сравнивается с его значением в независимом декларативном предложении.

В целом, подход к языковому оформлению зависимого ПД, используемый автором в этой главе и далее, можно назвать подчеркнуто не-синтаксическим. Речь идет именно об оформлении тех или иных элементарных единиц теми или иными грамматическими категориями, а не о структуре клаузы зависимого ПД или, например, о согласовании главного предиката по одному из аргументов зависимого.

Глава 4 имеет достаточно технический характер: в ней описываются принципы составления языковой выборки для данного исследо-

вания и логические правила построения имплицативных обобщений (implicational generalizations).

Главы 5–7, которые посвящены описанию разных типов сложноподчиненного предложения, т.е. сентенциальных актантов (complement relations), обстоятельственных предложений (adverbial relations) и относительных предложений (relative relations), построены по единой схеме. Сначала описываются основные типы данных предложений: так, конструкции с сентенциальными актантами классифицируются по типу матричного предиката, обстоятельственные предложения – по отношениям между главным и зависимым ПД (например, цель, временное предшествование и т.д.), относительные – по синтаксической роли релятивизируемой именной группы. Далее в главах 5–6 приводится семантический анализ соответствующих сложноподчиненных предложений. Их основные типы сравниваются по таким параметрам, как:

- структурный уровень¹ главного ПД;
- предопределенность (predetermination) значения тех или иных параметров зависимого ПД самим типом отношений между главным и зависимым ПД;
- степень семантической интеграции главного и зависимого ПД.

Приведем пример конструкций с сентенциальными актантами при предикатах знания (*знать, понимать, осознавать* и др.). Утверждается, что они находятся на пропозициональном структурном уровне; временная референция, аспектуальное значение и набор участников зависимого ПД не предопределены, однако предопределено значение наклонения (изъявительное); семантическая интеграция между главным и зависимым ПД отсутствует (в отличие, например, от случая модальных предикатов).

Следующий раздел в каждой главе посвящен возможностям языкового кодирования того или иного сложноподчиненного предложения, наблюдаемым в языках выборки. Все они описываются в терминах параметров, введенных в главе 3. После этого автор анализирует имеющиеся связи между значениями морфосинтаксических параметров, рассмотренными выше, и типом соответствующего сложноподчиненного предложения. По каждому параметру строятся

¹ Речь идет об особом, сугубо внутритеоретическом понятии функционализма – “level of clause structure”, см. подробнее [Dik 1989; 1997a; 1997b; Hengeveld 1989; 1990; Siewierska 1991].

иерархии и предпринимается попытка их объяснить с использованием результатов описанного выше предварительного семантического анализа. Ср., например, (8) и (9):

(8) Иерархия для параметров понижения и выраженности аргументов: конструкции с сентенциальными актантами (the complement deranking-argument hierarchy):

модальные, фазовые предикаты > манипулятивные ('make', 'order'), предикаты желаний > предикаты восприятия > предикаты знания, пропозиционального отношения, речи

(9) Иерархия для параметров понижения и выраженности аргументов: относительное предложение (the relative deranking-argument hierarchy):

A, S > O > Indirect Object, Oblique

Завершается каждая из глав 5–7 уникальным эмпирическим разделом. Сначала аккуратно приводятся конкретные цифры, показывающие, в какой степени различные пункты всех выведенных иерархий являются универсальными, а именно:

– указывается количество языков, информация по которым доступна для каждой пары сравниваемых пунктов;

– количество тех из них, в которых значения данного параметра неодинаковы (т.е. можно говорить о сравнении);

– количество тех языков, в которых значения данного параметра неодинаковы и противоречат выводимому обобщению, т.е. контрпримеры к данной иерархии.

Далее приводятся многочисленные таблицы, в которых для каждого из языков выборки указывается значение каждого параметра. Нельзя не подчеркнуть очевидную ценность подобного рода таблиц для лингвистов. По сути, автор предоставляет в наше распоряжение те данные, на основе которых было проведено исследование и построена теоретическая система. Разумеется, мы можем ими воспользоваться для проверки приводимых имплицативных иерархий, однако более значимым кажется тот факт, что мы можем воспользоваться ими и в собственных целях – например, для выявления не отраженных в книге закономерностей (конечно, в рамках того набора грамматических категорий, которые учитываются автором). Здесь же стоит упомянуть чрезвычайно объемную таблицу в Приложении, в которой для всех языков выборки приводятся все конструкции, которые могут использоваться для выражения зависимых ПД, причем для каждой из них указывается значение всех параметров, рассматриваемых автором. Безусловно, все это свидетельствует о достаточ-

но редкой в лингвистике полной “открытости” проведенного исследования для любого специалиста, который им заинтересуется.

Глава 8 посвящена сравнению трех типов сложноподчиненных предложений. Кажется, что читателю предоставляется выбор между тем, прочитать ли про каждый из них по отдельности в главах 5–7 или же, для экономии времени, прочитать суммирующую главу 8. Читать обе эти части, в действительности, не обязательно: речь идет просто о кратком повторении содержательных выводов глав 5–7 и их сопоставлении. Приходится констатировать, правда, что это сопоставление оказывается не вполне удачным: достаточно сложно пробраться через бесконечные указания на то, какой параметр какого типа предложений какую позицию занимает. Отметим, впрочем, что, возможно, подобную информацию и нельзя было изложить лучше ввиду ее объективной технической сложности, однако в таком случае можно было бы просто ограничиться таблицами и схемами.

Глава 9 (“Кодирование сложноподчиненных отношений: функциональные мотивации”) является центральной в рецензируемой книге, т.к. именно из нее мы узнаем, к каким результатам привело это масштабное типологическое исследование. Сразу отметим, что в главе 10 приводятся, на наш взгляд, не менее интересные результаты принципиально другого типа, однако сама С. Кристофаро считает их скорее второстепенными. Итак, основываясь на выводах глав 5–8, т.е. на имплицативных иерархиях и семантическом анализе, полученных для каждого вида сложноподчиненных предложений, автор приходит к выводу, что языковое кодирование зависимых ПД отражает их когнитивный статус.

Оказывается, что языки мира последовательно концептуализуют зависимые ПД не так, как обычные ПД: они концептуализуются не как полноправные процессы (термин, определяемый по [Langacker 1987a; 1987b; 1991]), как “сущности, которые воспринимаются последовательно”, т.е. представляют собой некоторую временную цепочку, а скорее как вещи или свойства. Это иконически отражается в маркировании предиката зависимого ПД именной морфологией и в кодировании участников как посессоров. Использование в сложноподчиненных предложениях специальных форм для категорий времени, аспекта, наклонения и лично-числового согласования отражает тот факт, что зависимое ПД имеет когнитивный статус, отличный от стандартного. Отсутствие процессуальных свойств также объясняет часто встречающееся неразличение категорий времени, аспекта, наклонения в за-

висимых ПД, т.к. эти категории характерны как раз для “процессов”, но не для “вещей”. Автор также указывает на то, что многие (хотя и не все), свойства зависимых ПД можно объяснить такими классическими функциональными принципами, как синтагматическая и парадигматическая экономия, иконичность независимости и иконичность расстояния (ср. отсутствие в клаузе зависимого ПД грамматической информации в том случае, когда она эквивалентна по своему значению информации главного ПД).

И наконец, глава 10 имеет дело с корреляциями между конкретными морфосинтаксическими явлениями. Здесь рассматриваются обнаруженные в ходе исследования взаимосвязи – как имплицативные, так и частотные – между теми отдельными параметрами, по которым оценивались различные типы сложноподчиненных предложений. Так, например, оказалось, что если в зависимом ПД не выражаются аргументы, то не выражаются и время, аспект, наклонение, или что специальные формы для выражения аспекта встречаются среди языков выборки намного чаще, чем специальные формы для выражения времени (при этом последние встречаются чаще, чем специальные формы для выражения наклонения). Не имея возможности привести здесь все 12 обнаруженных закономерностей, подчеркнем лишь их значимость для широкого круга лингвистов по сравнению с крайне важными, но ориентированными на конкретную теорию выводами главы 9.

В целом, выводы главы 10 производят более благоприятное впечатление, чем выводы предыдущей главы. Дело в том, что основному противопоставлению между “процессами” и “вещами”, подводящему в главе 9 итог всему исследованию, предшествовало немалое количество достаточных общих утверждений, основанных не на конкретном языковом материале, а на представлениях автора об устройстве мира. Так, например, нам осталось непонятным противопоставление между “семантической предопределенностью”, “семантической интеграцией” и “семантической взаимосвязанностью (interconnection)”: эти понятия нигде не были четко определены, однако активно использовались. Можно упомянуть и такие недочеты изложения, как обращение к “границам между связанными ПД” (boundaries between the linked state of affairs, с. 120), появляющееся в тексте без указания на то, каким образом их можно определить, или неаргументированное (хотя и спорное) утверждение, что “ПД, представляющие объект требований, желаний или актов восприятия, имеют место независимо от самих этих требований, желаний и актов вос-

приятия” (с. 121), и ряд других. В таких случаях возникает ощущение, что автор, желая сделать свое исследование функционально-когнитивной природы сложноподчиненного предложения предельно четко выстроенным и аргументированным, пытается совершить невозможное и достичь тех результатов, которые, как кажется, в принципе недостижимы в рамках функционально-когнитивного подхода, существующего, в общем-то, для других целей.

Итак, рецензируемая книга ставила перед собой новые и крайне актуальные для современной лингвистики задачи: рассмотреть с единой точки зрения явления функционально близкие, но по тем или иным причинам разведенные научной традицией. Безусловно, она эти задачи решила: теперь, как кажется, в рамках функционального подхода тему сложноподчиненного предложения можно считать в целом исчерпанной. Более того, даже читателя, чьи интересы прямо не связаны с данной проблематикой, рецензируемая книга может немало порадовать многочисленными интересными наблюдениями, которые встречаются почти на каждой странице книги и ценность которых нередко выходит далеко за рамки данного исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Dik 1989 – S.C. Dik. The theory of functional grammar. Dordrecht, 1989.
- Dik 1997a – S.C. Dik. The theory of functional grammar. Pt. 1. The structure of the clause (2-nd revised edition) / Ed. by K. Hengeveld. Berlin; New York, 1997.
- Dik 1997b – S.C. Dik. The theory of functional grammar. Pt. 2. Complex and derived constructions (2-nd revised edition) / Ed. by K. Hengeveld. Berlin; New York, 1997.
- Givón 1980 – T. Givón. The binding hierarchy and the typology of complements // *Studies in language*. 4, 1980.
- Haspelmath 1995 – M. Haspelmath. The converb as a cross-linguistically valid category // M. Haspelmath, E. König (eds.). *Converbs in cross-linguistic perspective*. Berlin; New York, 1995.
- Hengeveld 1989 – K. Hengeveld. Layers and operators in functional grammar // *Journal of linguistics* 25. 1989.
- Hengeveld 1990 – K. Hengeveld. The hierarchical structure of utterances // J. Nuyts, A.M. Bolkestein, C. Vet (eds.). *Layers and levels of representation in language theory: a functional view*. Amsterdam; Philadelphia, 1990.
- Коптјевскаја-Тамм 1993 – M. Коптјевскаја-Тамм. *Nominalizations*. London; New York, 1993.

- Kortmann 1997 – *B. Kortmann*. Adverbial subordinators: a typology and history of adverbial subordinators based on European languages. Berlin; New York, 1997.
- Lambrecht 1994 – *K. Lambrecht*. Information structure and sentence form. Cambridge, 1994.
- Langacker 1987 – *R.W. Langacker*. Foundations of cognitive grammar. V. 1. Theoretical prerequisites. Stanford, 1987.
- Langacker 1987a – *R.W. Langacker*. Nouns and verbs // *Language* 63. 1987.
- Langacker 1991 – *R.W. Langacker*. Foundations of cognitive grammar. V. 1. Descriptive applications. Stanford, 1991.
- Lehmann 1984 – *C. Lehmann*. Der Relativsatz. Tübingen, 1984.
- Ransom 1986 – *E.N. Ransom*. Complemetation: its meanings and forms. Amsterdam; Philadelphia, 1986.
- Shopen 1985 – *T. Shopen* (ed.). Language typology and syntactic description. V. 2. Complex constructions. Cambridge, 1985.
- Siewierska 1991 – *A. Siewierska*. Functional grammar. London; New York, 1991.
- Stassen 1985 – *L. Stassen*. Comparison and universal grammar. Oxford, 1985.

О. В. Ханина